

Предания о Степане Разине в записях П. И. Якушкина

1.

— Скажите пожалуйста, — обратился мой спутник к казакам, — кто такой был Стенька Разин. Тоже, должно полагать, великий был в свое время воитель!

— Воитель-то большой был воитель, этот Стенька, — отвечал один казак.

— Так что ж?

— Да с Пугачевым или Ермаком — не одна статья.

— А что?

— Пугачев с Ермаком были великие воители, а Стенька Разин и воитель был великий, а еретик — так, пожалуй, и больше, чем воитель.

— Что ты!.

— Правда!..

— Какое же его было еретичество?

— А вот какое. Бывало, его засадят в острог. Хорошо. Приводят Стеньку в острог. «Здорово, братцы», — крикнет он колодникам. «Здравствуй, батюшка наш, Степан Тимофеевич!..» А его уж все знали!.. «Что здесь засиделись? На волю пора выбираться...» — «Да как выберешься?.. — говорят колодники, — сами собой не выберемся, разве твоими мудростями!» — «А моими мудростями, так пожалуй и моими!» Полежит так, маленько отдохнет, встанет... «Дай, — скажет, — уголь!..» Возьмет этот уголь, напишет тем углем на стене лодку, насажает в ту лодку колодников, плеснет водой: река разольется от острова до самой Волги; Стенька с молодцами грянут песни — да на Волгу!. Ну, и поминай как звали!..

— Так и убежит?

— Со всеми колодниками!

— А часовой солдат отвечай?

— Знамо дело — отвечай!..

— Эко дело!..

— Только господа под последок догадались, — продолжал казак, — будет Стенька просить испить — не давай воды, пой квасом!.. А Стеньке с квасом ничего не поделаться... так и изловили...

— Вишь ты дело-то какое!..

— Еретик! одно слово, еретик!

— Такой еретик: всю Астрахань прельстил, все за него стали; один только архиерей. Архиереем в Астрахани был тогда Иосиф; стал Иосиф говорить Разину: «Побойся ты бога, перестань, Стенька, еретичествовать». — «Молчи, — крикнет Стенька Разин, — молчи, батька. Не твое дело». Архиерей опять Стеньке: «Грех большой еретичеством жить!» А Стенька знай свое твердит: «Молчи, батька, не суйся, где тебя не спрашивают! Сражу, говорит, тебя, архиерея!» Архиерей свое, а Стенька свое. Архиерей опять-таки Стеньке Разину: «Вспомни про свою душу, как она на том свете будет ответ богу давать!» Стенька мигнул своим, а те подхватили его да в крепость, да на стену, а со стены-то и бросили казакам на копья... Тут архиерей Иосиф богу душу и отдал...

— Вишь дело какое!

— А у Разина свои казаки были?

— А как же, все равно как у Ермака. Пошел по станицам, крикнул по охотников на Волгу рыбу ловить. Кому надо, те уже знают, какую на Волге рыбу ловят, ну и соберутся. Так и Стенька Разин собрал себе казаков, да с теми казаками и пошел на Волгу, а там и в море пробрался, на персидского султана напал, сколько у него городов побрал...

— Ну, а за архиерея ему никакого наказания не было? — спросили рассказчика.

— А кто его будет наказывать?

— Как кто?

— Ведь, чай, начальство было?

— Убил архиерея и наказания никакого нет? — посыпались вопросы небывалых.

— Чай, начальству дали знать сейчас же, что Стенька Разин архиерея сразил?

— Много он боялся того начальства, — отвечал рассказчик, — его и само-то начальство боялось: вот он был каков!

— Что же начальство смотрело?

— А вот что: как повоевал Стенька Персию, приехал в Астрахань, пошел к воеводе... тогда губернатор прозывался воеводой... приходит к воеводе... «Пришел я, говорит, к тебе, воевода, с повинною». — «А кто ты есть за человек такой?» — спрашивает воевода. «Я, — говорит, — Стенька Разин». — «Как, это ты разбойник, который царскую казну ограбил... Столько народу загубил!» — «Я, говорит, тот самый». — «Как же тебя помиловать можно?» — «Был, — говорит Разин, — я на море, ходил в Персию, вот столько-то городов покорил, кланяюсь этими городами его императорскому величеству; а его царская воля: хочет казнить — хочет милует! А вот и вашему превосходительству, — говорит Разин, — подарочки от меня». Стенька приказал принести подарочки, что припас воеводе. Принесли. У воеводы и глаза разбежались: сколько серебра, сколько золота, сколько камней дорогих! Хошь пудами вешай, хошь мерами меряй!.. «Примите, — говорит Стенька Разин, — ваше превосходительство, мои дороги подарки, да похлопочите, чтобы царь меня помиловал». — «Хорошо, — говорит воевода, — я отпишу об тебе царю, буду за тебя хлопотать, а ты ступай на свои струги и дожидайся на Волге царской отписки». — «Слушаю, — говорит Разин, — а вы, ваше превосходительство, мною не брезгуйте, пожалуйста на мой стружок ко мне в гости!» — «Хорошо, — говорит воевода, — твои гости, приеду». Стенька раскланялся с воеводой и пошел к себе на стружок, стал поджидать гостей. На другой день пожаловал к Степану Тимофеичу... — Тимофеичем стал, как подарочки воеводе снес —... пожаловал к Степану Тимофеичу сам воевода. Воевода какой-то князь был... одно слово все равно, что теперь губернатор... Сам воевода пожаловал в гости к простому казаку, к Стеньке Разину. Как пошел у Стеньки на стругах пир, просто дым коромыслом стоит. А кушанья, вина там разные подают не на простых тарелках, или в рюмках, а все подают как есть на чистом золоте. А воевода: «Ах, какая тарелка прекрасная!» Стенька сейчас завернет да воеводе поднесет: «Прими, скажет, в подарочек». Воевода посмотрит на стакан: «Ах, какой стакан прекрасный!» Стенька опять: «Прими в подарочек».

— Это все равно что теперь у калмыков...

— Все одно...

— Ты к калмыку приедешь, да если совесть имеешь, ничего и не хвали, а похвалил что — твое, без того тебя не отпустят ни за что.

— Вот и воевода этот, князь, глаза-то бесстыжие, и давай лупить: стал часто к Стеньке в гости понавещиваться. А как приедет — и то хорошо, и то прекрасно, а Стенька знай завертывай, да воеводе: «Примите, ваше превосходительство, в подарочек!» Только хорошо. Брал воевода у Разина, брал, да и брат у него не знал что. Раз приехал воевода-князь на стружок к Стеньке в гости. Сели обедать. А на Стеньке Разине была шуба, дорогая шуба, а Стеньке-то шуба еще тем была дорога, что шуба была заветная. «Славная шуба у тебя, Степан Тимофеич», говорит воевода. «Нет, ваше превосходительство, плохинья». — «Нет, знатная шуба!» — «Плохинья, ваше превосходительство», говорит Разин: ему с шубой-то больно жаль было расстаться. «Так тебе шубы жаль!» — закричал воевода. — «Жаль, ваше превосходительство: шуба у меня заветная». — «Погоди ж ты, шельмец этакой, я об тебе отпишу еще царю». — «Помилуй, воевода! Бери что хочешь, оставь только одну мне эту шубу». — «Шубу хочу! — кричал воевода, — ничего не хочу, хочу шубу!» Привстал Стенька, снял с плеч шубу, подал воеводе да и говорит: «На тебе, воевода. шубу, да не наделала бы шуба шума. На своем стружке обижать тебя не стану, ты мой гость; а я сам к тебе в твои палаты в гости буду!» Воеводу отвезли на берег; не успел он ввалиться в свои хоромы, как Стенька Разин, со своими молодцами, казаками-атаманами, нагрянул на Астрахань. Приходит к воеводе Стенька. «Ну, говорит, воевода, чем будешь угощать, чем потчевать?» Воевода туда-сюда... А Стенька Разин: «Шкура мне твоя больно нравится, воевода!» Воевода видит: дело дрянное, до шкуры добирается! «Помилуй, говорит, Степан Тимофеич, мы с тобой хлеб-соль вместе водили». — «А ты меня помиловал, когда я просил тебя оставить мне заветную шубу? Содрать с него живого шкуру!» — крикнул Разин. Сейчас разинцы схватили воеводу, повалили наземь, да и стали лупить с воеводы шкуру, да и начали-то лупить с пяток... Воевода кричит, семья, родня визг, шум подняли. А Стенька стоит, да приговаривает: «А говорил я тебе, воевода, шуба наделает шуму. Видишь, я правду сказал, не обманул!» А молодцы, что лупили с воеводы шкуру, — знай лупят, да приговаривают: «Эта шкура нашему батюшке Степану Тимофеичу на шубу». Так с живого с воеводы всю шкуру и содрали! Тут кинулись разинцы на Астрахань, кто к ним не

приставал, — побили, а дома их поразграбили, а кто к ним пристал, того волосом не обидели.

— Так и содрали с воеводы с живого шкуру?

— Так и содрали.

— С живого?

— С живого.

— Ну, смерть...

— Да ведь Стенька Разин и выдумал такую смерть воеводе. Уж больно шибко обирать его стал воевода: на что бельмы вылупит, то и за пазуху.

— А богат был этот Стенька Разин! — проговорил кто-то из казаков.

— Да как же не богат! сколько раз воеводу угощал. Что стоит одно угощение, ведь воеводе не поставишь полштофа выпить да воблу на закуску. Да сколько пошло на подарки. Воевода на одно угощение не пошел бы.

— Знать, богат был!

— Коли не богат, говорит, на всех стругах, на всех до одного, шелковые паруса были. Да все струги словно жар горели: все были раззолоченные, уключины были все серебряные.

— Знамо дело, не столько силой брал, сколько еретичеством: всякого добра было много, — утвердительно проговорил слушавший казак.

— А комара, небось, не заклил!

— Комара ему заклисть никак невозможно было, — сказал рассказчик.

— А для чего?

— А для того... Да дело было вот как: вся Астрахань за Стеньку Разина стала, всю он Астрахань прельстил. Астраханцы, кому что надо, шли к Стеньке Разину; судиться ли, обижают ли кто, милости ли какой просит — все к Стеньке. Приходят астраханцы к Разину. «Что надо?» — спрашивает Разин. «К твоей милости». — «Хорошо, что надо?» — «Да мы пришли насчет комара: сделай такую милость, закляни у нас комара, от комара у нас просто житья нет!» — «Не закляну у вас комара, — объявил Стенька. —

Закляну комара — у вас рыбы не будет». Так и не заклил.

.....
.....

— А ведь и теперь еще остались внуки аль правнуки Стеньки Разина.

— А как же? На Дону и теперь много Разиных, все они пошли от Стеньки Разина.

— У Стеньки один только сын был, — утвердительно объявил казак Зеленая-шуба¹.

— Любовниц было много. — Он холостой был, — возразил другой казак, вероятно, помнивший старину.

— Он холостой был, возразил другой казак.

— Может, от любовницы и сын был, — пояснил казак Зеленая шуба.

— От любовницы, может быть.

— А сын у него был, это верно, — говорил казак Зеленая шуба. — Про его сына еще и теперь рассказывают, да и на голос эту историю положили, на голос она памятной гораздо выходит.

— Какая же это история?

— А как сына своего Стенька Разин из астраханского острога выручил.

— Ты знаешь эту историю?

— И на голос знаю.

— На голос здесь нельзя!

— Отчего нельзя?.. Можно... Только по шапке дадут, сострил кто-то.

— Да ты словами расскажи.

— Словами можно. Как по городу по Астрахани проявился там незнакомый человек, — начал рассказывать казак Зеленая-шуба. — Он незнакомый, незнакомый, мало ведомый. Как по городу он, по Астрахани, баско, щебетко погуливает, астраханским он купцам не кланяется, господам-боярам челом не бьет, к самому астраханскому воеводе на суд нейдет! Как увидел добра

молодца воевода из окна... Приказал своим адъютантам привести к себе этого молодца, стал у него спрашивать: «Скажи, скажи, добрый молодец, какого ты роду имени. Княженецкий сын, боярский, аль купеческий?» — «Я не княжецкий, не боярский, не купеческий сын, — говорит ему добрый молодец, — а сын я Степана Тимофеича, по прозванию Стеньки Разина». — «Посадить его в острог», — крикнул воевода. А сын Разина все свое: «Приказал тебе батюшка кланяться, да приказал тебе сказать, что он, мой батюшка, Степан Тимофеич, к тебе в гости будет, да еще приказал тебе сказать, чтобы ты умел его угощать, умел потчевать». — «Взять его в острог! — закричал воевода, — держать его в остроге, пока ему казнь выдумаю...» А сынок Стеньки Разина все свое: «Да приказал тебе еще мой батюшка, Степан Тимофеич, сказать: коли не сделаешь, как он тебе приказывает, то он с тебя, воевода, с живого шкуру сдерет». — «Посадить в острог!», крикнул воевода. Отвели молодца в острог, а тот и там не робеет: «Здравствуйте, говорит, господа колоднички. Не пора ли вам на волюшку?» — «Как не пора, — на то ему колоднички, — да как отсюда выберешься: двери, решетки, железные, караулы крепкие!» А Стенькин сынок: «Посмотрим, говорит, господа колоднички, в окошечко: снаряжен стружок что стрела летит; на стружке мой батюшка погуливает, к астраханскому губернатору в гости спешит». Как приехал Стенька в Астрахань, с воеводы шкуру содрал.; пошел в острог, сына выручил, всех колодников выпустил, а после весь город Астрахань разграбил: «Вы, шельмецы эдакие, не умели моего единородного сына выручить, так вот я вас выучу...» Ну и выучил: колоднички, что Стенька из острога выпустил, да казаки, что со Стенькой пришли, так пошарили! Три дня грабили... Кабаки, трактиры разбили, не столько пьют, сколько наземь льют... И чего-чего они тут не поделали! знамо, колоднички— отпетый народ.

— Ну, а казаки?

— Ну, и казаки хороши были... Пошли с еретиком, какого добра ждать.

— И казаки вместе с колодниками? — спросил казака верховой мужик с насмешкой.

— А что ж, друг, и казаки всякие бывают: бывают и добрые казаки, бывают и лядащие!.. Всякие бывают... А те, что пошли с Стенькой, народ грабили, молодых баб, девок обижали, в церкви с икон оклады обдирали, из сосудов церковных водку пили, святыми просвирами закусывали.

— Экое дело!

- Бог попускал!
- Грехов, знать, много было!
- Знать, много было!
- На голос это еще складнее выходит, заметил рассказчик.
- И Стенька долго грабил?
- Долго.
- Что же, его поймали?
- Поймать-то поймали, сколько раз ловили, а он все-таки вырвется, да вырвется на волю, да и опять за свое, за те же промыслы примется...
- Опять грабить?..
- Опять грабить!.. Молодцы его уже знали, что Стеньке Разину недолго сидеть в остроге, так уж и дожидаются; а Стенька выйдет из острога, возьмет какую девку с собой за любовницу, да на свой струг и пошел опять на матушку Волгу с своими ребятами рыбу ловить...
- Небось, на какую девку кинет глазом, та и его?
- Знамо!
- Что ни есть красавиц выбирал!
- Роду не спрашивал?
- Какого там роду спрашивать... Какая ему показалась, — ту и тащат к нему... побалуется-побалуется, да и бросит ее... другую возьмет...
- И без обиды пустит?
- Наградит?
- А как случится: какую наградит, а какую сразит до смерти... как ему вздумается...
- Сразит до смерти?
- Да вот раз как случилось, — заговорил казак Зеленая-шуба, — захватил Стенька Разин себе любовницей дочку самого султана персидского...

— Самого персидского султана?..

— Самого султана персидского, — продолжал казак Зеленая-шуба. — Ему, Стеньке, все равно было: султанская ли дочка, простая ли казачка, — спуску не было никому, он на это был небрезглив...

— Бей, значит, сороку и ворону, нападешь и на ясного сокола! — ввернул слово казак.

— Что же Разин с султанкой этой? — спросил жадно слушавший верховый мужик.

— Ну, с султанкой не совсем ладно вышло. Облюбил эту султанскую дочку Разин, да так облюбил!.. стал ее наряжать, холить... сам от нее шагу прочь не отступит: так с нею и сидит!.. Казаки с первого начала один по одному, а после и круг собрали, стали толковать: что такое с атаманом случилось, пить не пьет, сам в круг нейдет, все со своей любовницей-султанкой возится... Кликнуть атамана!.. Кликнули атамана. Стал атаман в кругу, снял шапку, на все четыре стороны, как закон велит, поклонился, да и спрашивает: «Что вам надо, атаманы?» — «А вот что нам надо: хочешь нам атаманом быть — с нами живи; с султанкой хочешь сидеть — с султанкой сиди. А мы себе атамана выберем настоящего. Атаману под юбкой у девки — сидеть не приходится». — «Стойте, атаманы, — сказал Стенька, — постойте маленько!» Да и вышел сам из круга. Мало погодя идет Стенька Разин опять в круг, за правую ручку ведет султанку свою, да всю изнаряженную, всю разукрашенную, в жемчугах вся и в золоте, а собой-то красавица!.. «Хороша моя красавица?», спросил Разин. «Хороша-то хороша», на то ему отвечали казаки. «Ну, теперь ты слушай, Волга-матушка!.. — говорит Разин, — много я тебе дарил-жаловал: хлебом-солью, златом-серебром, камнями самоцветными, а теперь от души рву, да тебе дарю». Схватил свою султанку поперек, да и бултых ее в Волгу. А на султанке было повешено и злата, и серебра, и камня разного самоцветного, так она как ключ ко дну и пошла... «Хорошо, казаки-атаманы?», спросил Разин, а те... архирея сразили... сам знаешь, какой народ есть... «Давно пора тебе, — говорят, — атаман, это дело покончить».

2. Харко

— Был ли у нас на Яике Разин? — спросил я Ивана Никитича Чакрыгина.

— Разин? Должно полагать, что был, — отвечал старик. Потом, немного подумав, сказал:

— То-ись в самом-то городе нашем, пожалуй, и не был, а был на низу, у Гурьева: там у него главный притон был. А город наших казаков в ту пору был иль-бо на Голубом Городище, на острове Кош-Яике, близ Илека реки, иль-бо на Кирсановом-Яру, где теперь Кирсановский форпост. С Кирсанова-Яра на реку Чаган, то-ись на теперешнее место, город наш перенесен после Разина, по благословению Алексея митрополита. Слыхал?

— Слыхал!

— Ну, и ладно. А в Разину пору тут, то-ись где теперь Уральск, была глушь и заросль.

— Почем ты все это знаешь?

— Почем? Слухом земля полнится. Старики так из рода в род передавали.

— Старики могли ошибаться, могли перезабывать и перепутать обстоятельства, — заметил я.

— А песню-то куда денешь? — сказал старик. — Сказка — складка, песня — быль.

— Какую песню?

— А вот какую.

И старик, не дожидаясь, чтобы я просил его, стал читать мне нараспев следующую песню:

У нас то было на батюшке тихим Дону,
Во славном было во городе у нас во Черкасске,
Жила-была у нас тут благочестивая вдова;
Не имела-то она, братцы, бескорыстного греха,
А нынче вдова себе сына родила...
Пошла слава по всему нашему тихому Дону.
Тут съезжались все попы, дьяки, архидьяконы,
Нарекали ему имячко Степанушкою.
Степанушка у нас, братцы, стал на возрасте,
Как млад-ясен сокол стал на взлете.
Доселева Степанушка в круги к нам не хаживал,

Крепку думушку с казаками не думывал,
А нынче Степанушка в кругу стоит,
С казаками крепку думушку он думает.
Возговорил Степанушко таковы слова:
«Ой вы, гой еси, казаки-братцы, добры молодцы!
Послушайте вы, казаченьки, своего атаманушки,
Меня, Степанушку, сына Тимофеича Разина.
Сядемте мы, ребятушки, в свой легкий корабличек,
Побежимте мы, ребятушки, в сине море,
Станемте, ребятушки, разбивать бусы-кораблики:
Татарские, армянские, все басурманские,
Без того только без сиза орла, без осударева.
Поедемте, ребятушки, к царю с повинною;
Повеземте с собой, братцы, топор-плаху.
Повеземте, братцы, царю дары драгоценные:
Сребро-злато и каменья самоцветные.
Тут нас станет царь благодарить-жаловать,
И станет нас царь крепко спрашивать.
Мы скажем царю всю правду-истину».
Тут возговорит православный царь таковы слова:
«Уж вы, гой еси, молодые корабельщички,
Степана Разина вы согласнички!
Скажи мне всеё правду-истину:
Где вы были, где вы ездили?
Тут возговорили молодые корабельщички,
Степана Разина все согласнички:
Уж ты, батюшка наш, православный царь!
Мы скажем тебе всеё правду-истину:
Мы где были, мы где ездили.
Уж мы были, уж мы ездили в синем море,
Разбивали мы на синем море бусы-кораблики:
Татарские, армянские, все басурманские,
Без того только без сиза орла, без осударева.
Ты пусти нас, батюшка, на Яик-реку;
Мы заведем на реке Яик славный Яик-город.
Заведем мы его между двух речушек:
При первой речке — при Яике быстрым,
При другой речке — при Чагане тихиим».
Потом побывали они во городе Гурьеве,

Из Гурьева пошли они на матушку Волгу-реку,
С Волги-реки пошли они на Узень-реку,
С Узень-реки переправились за Яик-реку,
Прошли-то они, изошли всю орду азиатскую:
Киргизскую, тухменекую, кызылбацкую.

— Слышишь, Степан Тимофеевич и его согласнички, молодые корабельщики, собирались заводить город промеж быстрого Яика и промеж тихого Чагана. Значит, место было пустое, незанятое, — сказал старик.

— Однако Разин знал это место, — заметил я.

— Еще бы ему не знать! — возразил старик. — В этом и сумнения не нужно иметь. Степан Тимофеевич всю вселенную мот знает, как свои пять пальцев: он был с прибылью.

— С чем?

— С прибылью, — говорят!

— Что такое: с прибылью, — вот этого-то слова я не понимаю.

— Экой ты какой! Простого русского слова не понимаешь, а еще книжки пишешь. Это значит попросту ворожец, что чертями повелевает. Понял?

— Понял.

— Ну, и ладно! — сказал старик. — Еще надо и то в толк взять, что есть-когда не сам Разин, то его сподручники могли и вдоль и поперек искрестить наш Яик, разузнать, где какие речки, проточки, раскопать все, можно сказать, мышины норки: на то они и сподручники Разина. Один, думаю, Харко исходил, изъездил всю нашу земелюшку из конца в конец.

— Кто такой Харко? — спросил я.

— Ну и славно! Харку-то не знаешь, а ведь по нем, добром молодце, и форпост Харкинский прозван, — сказал старик.

— Будто? — спросил я.

— Не будто, а на самом деле так, — сказал старик.

— Верю, верю, — сказал я. — А кто же такой Харко? Расскажи-ка.

— С великим удовольствием! — сказал старик. — Слушай.

— Харко, сударь мой, был сподручник Разина, первый, можно сказать, герой по нем. После того как Разина совсем порешили, Харко с двенадцатью человеками, с своими, значит, причетниками, и удалился с Волги на Яик.

В те поры наши казаки, известно тебе, жили на Кош-Яике, иль-бо на Кирсановом-Яру; значит, далеко от моря, верст без малого семьсот будет. Хоша казаки наши из предков всем вла-дали Яиком, однако далеко на низ редко спускались по той самой причине, что красной рыбы было не в прибор и около города. Ну, и выходит, где пустыня, там, известно дело, и орда: без этого быть нельзя. Говорится, без дурака город не стоит. Наподобие сему, можно сказать: без орды пустыня не бывает. Пустыня значит пустое место, а орда, знамо дело, пустой человек, никакого толка нет. Ну, одно к другому и идет. Казаки наши хоша не в частым бываньи хаживали в походы супротив басурманцев, гоняли басурманов от Яика, однако нет-нет да и прикочует кака-либо орда к Яику; знаешь, чтобы лугами казачьими поживиться. Так было и в ту пору. Прикочевала к Яику и села около Маринкина городка 1 одна орда, а казаки наши и не чуют. Этою ордой повелевала девка, воин-девка. У этой девки и гвардия была из девок. В старину такие оказии были не в диковину.

Харко с своими приспешниками пробирался к нашим казакам на Кош-Яик; но девка-воин преградила ему дорогу. Хоша воин-девка была и девка, попросту баба, однако дело свое знала не хуже мужчины. Созвала она совет и говорит своим гвардейкам и всей сущей орде:

— Нам и без того от них (то-ись от казаков наших) житья нет, а как еще этот дьявол (сиречь Харко) с своими причетниками соединится с ними, тогда совсем пропадем; тогда, говорит, не поживишься от них клочком травы или беремем дров, тогда, говорит, не дадут они нам и воды напиться из своего заповедного Яика. Надо, говорит, во что бы то ни стало не допускать до них Харку.

Сказала это и стала свое дело делать.

Тем временем и Харко держит совет с своими; говорит к ним таковую речь:

— Погуляли мы с батюшкой нашим, Степаном Тимофеевичем, по святой Руси и по всему вольному свету довольно-таки. Много погубили мы всякого народа, и крещеного, и некрещеного, где по делу, а где и не по делу. Знамо, некрещеным туда и дорога, а за крещеных доведется когда-нибудь ответ отдать на суде страшном. Теперь, братцы, настало время удобное,

можно загладить, сколько ни на есть, грехи наши тяжкие. Давайте, говорит, очищать расейские границы от орды поганой. Давайте, братцы, доканаемте эту орду, чтобы она и воздухом здешним не дышала! Этим самым делом, говорит, мы сделаем три хороших дела: первое дело — отпущение грехам получим, второе дело — расейские границы от орды очистим, третье дело — яицких казаков хлопот избавим.

Сказал это и стал свое дело делать.

Воин-девка кибитки свои и весь скарб отправила от Яика в степь, к Кара-Кулю, в безопасное место, а сама с гвардейками вышла супротив Харка, и с его буйною головой, всего-на-все тринадцать человек. Но Харко был травленный волк: он не пошел на нее открытым боем, а пустился на хитрости.

Девка с гвардейками наступала на Харка, а Харко отступал. Таким манером хороводились они несколько дней. Напоследок Харко улучил темную ночь, обрядил двоих или троих своих согласничков в бирючьи (волчьи) шкуры и велел им подкрасться к конскому табуну гвардеек и броситься на него. Обряженные в бирючьи шкуры подползли на четвереньках к табуну, да и завыли, словно бирюки, — на всё были дотòшники, — а потом и бросились в самую серединку табуна. Лошади шарахнулись, и как был табун, так весь и понесся в степь, в разные стороны. Лошадям, знамо дело, лиха беда только чего испугаться, а там и сам чорт не удержит.

В лагере у гвардеек сделалась суматоха страшная, а Харко того только и ждал. Не медля ни секунды, он с остальными своими молодцами и нагрязнул на гвардеек, да и пошел их душить. К утру он всех их пошабашил. Не отвертелась и предводительша: ее убил своею рукой Харко.

Покончимши дело с гвардейками и их предводительшей, Харко пошел за Яик искать ихнюю кочевку. Добрался и до кочевки. Там, сударь мой, много было золотой казны и цветного платья всякого. Все это добро Харко забрал и раздуванил по своим согласничкам. Там же, в кочевке-то, застали они сколько-то девок, — девки были все молоденькие, — иных побили, а иных, что были покрасивей, взяли по себе...

Пожили они тут сколько-то времени, отдохнули и стали собираться в путь-дорогу. Харко свою девку бросил, живую пустил, на все четыре стороны; порешить ее совсем жалко стало: ведь так ли, сяк ли, а все-таки она жила у него заместо жены. Советовал то же сделать и своим причетникам, чтоб и

они девок своих бросили, а те не послушались: жалко было расстаться с девками; больно уж по сердцу пришлось. Тогда Харко говорит своим согласничкам:

— Все мы люди свободные, казаки вольные, приказывать вам не смею, а совета моего не слушаетесь. Ваше дело, воли с вас не сымаю. Ступайте, куда хотите, а я вам после этого не товарищ!

Согласнички говорят:

— Теперь девки нам не помеха, а когда будет нужно, — бросим.

Харко говорит:

— Когда будет нужно, тогда будет поздно.

Согласнички спрашивают:

— Как так?

Харко говорит:

— Эти девки не семьянны: оне, думаю, на своем веку и сами не мало нюхали человеческой крови. Мы же гнездо ихнее разорили: не забудут оне этого, и рано ли, поздно ли, порешат, доканают нас, — не мытьем, так катаньем, проклятые, доймут. Эй! послушайте меня: бросьте!

Сподручники смеются и говорят:

— Доселева, Харкушка, мы чли тебя за храбреца, а теперь видим, ты трусу празднуешь. Вспомни, давно ли мы, двенадцать человек, набили девок более двухсот. Ну, статочное ли дело, чтобы двенадцать девок осмелились супротивничать нам, таким молодцам?

Харко говорит:

— Открыто поле особь статья, постель особь статья. Слыхали, чай, сказание библейское про Олоферна, а если не слыхали, так я скажу.

Олоферн был не вам чета, однако отмахнула же ему голову жена слабая.

Подручники Харка только засмеялись, да промеж себя говорят: «трусу празднует!»

Харко осердился и поехал прочь.

Согласнички его поехали сами по себе. Выбрали они себе местечко на Краоном-Яру, где теперь Красноярский форпост, и тут устроили стан.

Харко один остановился ниже этого места, верстах в пятнадцати, и тоже устроил себе стан, не на земле, а на дереве. Там он свил себе гнездо, словно Соловей-разбойник, и зажил в милу душу. Итти к нашим казакам на Кош-Яик пораздумал: ждал, что будет от его согласничков, думал, не образумятся ли, не разведутся ли с девками-то.

Пожили они на новых местах сколько-то времени, самую малость однако: Харко сам по себе, а согласнички его сами по себе. Вот, сударь мой, в одну ночь, на самой на заре, притащился к Харке с Красного-Яра один из его согласничков, весь, бедняжка, изранен, еле-еле дышит, да тихо, жалобно, чуть слышно и говорит:

— Сбылись слова твои, атаманушка: сгубили нас змеи скорпии...

Сказал это, да и тут же и дух свой испустил.

Харко тое ж секунду спрыгнул с гнезда своего, вскочил на бурого коня, что у дерева привязан был, и помчался к Красному-Яру. На восходе солнышка он был уже там и застал девок: те, бестии, дуван дуванят, значит, делят по себе добро убитых молодцов. Лишь только узрели оне его, так и одурели на месте. Как тигра, с пеной у рта Харко бросился на девок с саблей в руке, да вдруг и остановился. «Этого для вас мало, бестии!» — сказал Харко, да и давай живьем вязать девок: всех перевязал, да и положил, словно осетров на багреньи, в ряд, одну подле другой. Славно! Осмотрел и сотласничков своих, а те, бедняжки, все измясничены донельзя, узнать даже не можно, кто Карп, кто Иван: так, бестии, постарались. Съездил и за тем, что у его дерева умер. Потом вырыл двенадцать могил, положил в них убитых согласничков, а подле каждого из них доложил по девке-душегубке: эти, бестии, были живые, кричали, визжали, просили Харку, чтоб он добил их; да не на того напали:

«Что торопитесь? успеете еще околеть!» — говорит Харко, и дело свое делает.

Потом, сударь мой, опустил в могилу к каждому согласничку по ноше серебра, по ноше золота, по сабле, по ружью, по копьё, по паре пистолей, и все это, не торопясь, чин-чином зарыл. Напослед всего на могиле каждого согласничка посадил по лесной яблоне. Покончимши это дело, Харко сказал:

— Не пропадай эта казна даром: дайся казна эта тому молодцу, кто на своем веку убьет двенадцать дюжин басурманов, иль-бо басурманок!

— Ну, а что клад? Дался ли кому? — спросил я.

— Нет! Казаться казался, а не дался, — сказал старик.

1 Так называется одно урочище, где, по преданию, имела пребывание жена Лжедмитрия Марина после бегства ее из Астрахани, в 1614 году. (Примеч. собирателя).

3.

Один казачок-гулѣбщик (охотник) плыл в бударке по Баксаю, не далеко от моря, плыл он это и увидел: на берегу в камыше, на небольшой поляне, стоит белый с красными узорами шатер, а в шатре как жар горит золотая маковица. Увидел это казачок, дивуется. «Что за оказия такая», думает сам про себя казачок, «уж не дьявольское ли навождение, уж не бес ли морочит?» Думает казачок, а сам и глаз не сводит с золотой маковки, да и не знает, что делать: пристать ли к берегу, где шатер-то стоит, или своротить скорее в какой-нибудь ерик, да и драть по-добру, по-здорову. «А что я скажу товарищам? — думает казачок. — Скажу: шатер, мол, с золотой маковкой видел, а что за шатер и кто в нем, не знаю — не ведаю. Поднимут тогда меня на-смех, проходу не дадут... Ну, была, не была», — сказал сам себе гулѣбщик, взял да и пристал к берегу. Вышел он на берег и видит: около шатра у дверей сидит, пригорюнившись, девица, в расейском шелковом сарафане, да такая раскрасавица, что ни в сказке сказать, ни пером написать: белолица, круглолица, румянец во всю щеку, глаза — что твои спелые торновины, а русая коса чуть не до земли; просто девка кровь с молоком. Спервоначала, как увидел ее казак, — остолбенел. Однако он скоро подошел к ней, а сам читает про себя: «да воскреснет бог», думает, уж не шутовка ли (русалка) прикинулась, чтоб загубить душу христианскую. Подошел он к ней и говорит: «Здравствуй, красна девица!» — «Я, — говорит она, — не девица...» Сказала она это, да и заплакала. «Кто же ты такая?» — спрашивает казачок. «Стеньки Разина полюбовница!» — сказала она, да пуще прежнего заплакала. «Ага, — подумал казачок, — видно я попался к медведю в берлогу!» И стал казак с испугом озираться кругом. «Ты не бойся, — сказала девица. (Она, значит, заметила, что казачок-то немного струхнул.) — Не бойся, — говорит она, — его здесь нет». — «Где же он?» — «На охоту со своими ушел».

Как водится, слово-за-слово, и разговорились они, казак и девица, меж себя. Девица пригласила казачка в шатер и угостила его кизляркой, а ее — сиречь кизлярской водки-то — был полный боченок, ведра в три или в четыре. Тут девица и рассказала казаку, кто она такова. «Я, — стала говорить девица, — из города Царицына, дочь богатого купца. В прошлом году Разин город наш разорил, отца и мать и всех родных моих побил, и меня пленил, да и держит при себе. Такая участь моя несчастная... На этом месте мы живем вот уже целую неделю. Здесь при нем немного его подручников, человек с двадцать, не больше; а прочие все разъезжают, кто по морю, кто по Волге. Он скоро ожидает всех к себе, послал уже гонцов во все концы, где только его подручники. «Как только слетятся орлы мои, — говорит он, — так сей же миг пойду на Каменный городок, возьму его, а стрельцов выгоню, засяду, говорит, в этом городке, да и пошлю в Яицкий город, к яицким казакам — клич кликать: «Ко мне, охотники!» Приманю, говорит, к себе всех яицких казаков и ихних атаманов-молодцов. Тогда, говорит, все города по Волге покорю, да и в Белокаменну махну». Вот что он, злодей, затевает...»

«Ну, Улита-то едет, да когда-то будет, — сказал гулёбщик и выпил чару кизлярки. — Что он там ни толкуй, а мы кумекаем свое. Якшаться с ним не намерены: супротив присяги и совести не пойдём, так и будет. А ты, красавица, — говорит он ей, немного погодя, — поедем-ка лучше со мной, чем жить у этого разбойника. Согласна, что ли?» — спрашивает казачок.

Покачала головой девица, вздохнула тяжелехонько, да и сказала: «Нет, молодец, не пойду я с тобой; все едино гибнуть: там ли, здесь ли. Ведь никоим манером не спасешься, не спрячешься от него, лиходея: на дне моря найдет он меня, неточию что на Яике у вас: живую он меня зароет в землю. Да и тебе, добрый молодец, даром это не пройдет, а что за охота гибнуть понапрасну из-за меня, ледащей женщины, на что я тебе гожусь и чего я стою теперь, — разбитого горшка, думаю, никто за меня не даст... Да и в священном писании сказано, я слышала от матери, что кто де бежит от беды-напасти, тот бежит от царствия небесного. Пусть будет со мной святая воля господня... стану до конца терпеть».

Прошло много ли, мало ли времени, и говорит девица казаку: «Поезжай, молодец, домой, скоро сам будет».

Нечего делать, простился казачок с девицей, сел в бударку, да и поехал восвояси... Только дорогой-то и втемяшилась казаку блажная мысль; знамо дело, шишига (дьявол) соблазнил: ведь он, окаянный, не об нем будь

сказано, горами качает. «Дай, — думает гулѣбщик, — ворочусь назад: девка-то больно хороша... Ну, то ли, се ли, — думает казачок, — ежели не успею уговорить, так... что тут церемониться... так хошь боченок с кизляркой увезу? что она для Стеньки, кизлярка-то, стоит. Вестимо, не покупная. Да и за девку-то, знамо дело, кладки не давал».

Вот с такими-то, братцы, нехорошими мыслями казачок и воротился назад; воротился, да и попал, как кур во щи: тем временем и Стенька воротился с своими молодцами в стан. Лишь только казачок вышел из бударки, его сцапали два разбойника. Они издали еще его увидали и караулили у берега в камыше. Сцапали доброго молодца, вырвали у него из рук винтовку, распетлили голубчика, да и повели к атаману, к самому князю-боярину, как величали разбойники Стеньку. Дотолева казачок был напорядках выпимши, а тут, как увидал вокруг себя с десяток харь, одна другой страшней, с мушкетонами да с безменными шишками в руках, так куда у голубчика и хмель девался, словно и не нюхал горького; протрезвился, индо в лихоманку бедненького кинуло.

Стенька сидел на богатейшем персидском ковре около шатра и потягивал из серебряного ковша — кизлярку. «Этот, что ли?» — спросил он тихонько девицу и указал на казака.

Она кивнула головой. Значит, она рассказала, что у нее был в гостях яицкий казак. «Милости просим, — сказал Разин казаку. — Садись, гость будешь. Пустите его», — сказал он разбойникам.

И освободили разбойники казака. Но казак с умом-разумом не соберется, едва дух переводит и слова вымолвить не может. Он ждал, вот как хватят его по голове обухом, а тут слышит ласковые речи. Казак только поклонился. «Да что ты, немой, что ли, что ничего не говоришь? — спросил Разин и сам захохотал. — Аль язык у тебя ушел в пятки?»

Казачок опять поклонился, да уж кое-как, с запинкой, проговорил: «По имени звать твою милость знаю, а как величать тебя, доброго молодца, по батюшки, — хоть зарежь, не знаю..» — «Вот оно как, — говорит Стенька, а сам смеется, — в глазах-то со мной и отчество спонадобилось, а за глазами-то, чай, и именем не назовут. Так ли?» — «За других — не ответчик», говорит казак.

«Ладно, ладно, — говорит Разин. — А скажи-ка мне: зачем твоя милость сюда опять пожаловала? Разве не знаешь, что от меня одна дорога — к

чертям на кулички?..»

Казачок только было собрался с духом, а тут опять перепугался. Однако отудобил и пустился на хитрости, словно башкирец, которого в краже поймают. «Был я давеча, — говорит казак, — у твоей милости в шатре, ел хлеб-соль твою, вино твое, а самого тебя не видал, за угощенье «спасибо» не сказал: так совестно стало, вот я и воротился за тем, чтобы милости твоей честь отдать...» — «Ого! — говорит Стенька, а сам, бестия, смеется. — Да ты, вижу, продувная каналья: складно поешь, только не выносишь, и хитришь хоть куда, вчередь схитрить так моему Анкудинке, а он ведь из московских приказных. Такого молодца, как ты, и губить кое-как жалко. Так и быть, велю расстрелять тебя, доброго молодца, на славу, из десяти иль из двадцати мушкетеров, чтоб на том свете помнил. Доволен ли?» — говорит Разин, а сам смотрит на казака, да и хохочет во все горло.

Казака дрожь пробрала. Он слышит, как позади защелкали курки. Однако видит, что Разин и говорит и смеется. «Может он, потехи ради, только страшит, — думает казак. — Дай, — думает казак, — всю правду скажу». — «Есть когда на правду пошло, так слушай, Степан, по прозванию Разин, — говорит казак, а сам бодрится. — Ты, говорит, казнишь, да и милуешь, а я скажу тебе правду-истину, по-крайности будешь знать, что казак не любит врать. Воротился я сюда не за тем, чтобы персону твою видеть, — ее хоть бы век не видать; и не за тем, чтобы за хлеб-соль тебя благодарить, — хлеб-соль твоя не куплена, не трудами добыта; а за тем, чтобы боченок с кизляркой увезти. Вот за чем я воротился». — «Ну, а насчет ее, — сказал Разин и кивнул на девицу, — ну, насчет ее-то что скажешь? Чай, тоже думал поживиться, а? Говори, да правду говори. Смотри! — баловать не люблю». — «Что таить, — сказал казак. — Был грех, лукавый попутал, и на нее подумал. Да вот, как видишь, и попался, словно сом-блудник на самоловик. Теперича я в твоих руках. Хошь — казни, хошь — на волю пусти: твоя власть. Казнишь — не буду плакать, отпустишь — спасибо скажу».

«Люблю таких молодцов, что ответ держать умеют! — сказал Разин и хлопнул казака по плечу. — Тебе давеча бы, спервоначала, это сказать, так у нас и речей бы об этом никаких не было! Давай-ка выпьем!»

И выпили они по ковшу-другому кизлярки.

«Ее (сиречь девицу-то, заметил слепой рассказчик), ее, — говорит Разин, — никому ни за какие тысячи не уступлю, за нее, говорит, самого чорта в бараний рог согну. А другой кто и не суйся лучше: всякого иного в лапшу

искрошу, в муку измелю... Вот что! Слышишь? Ну, насчет кизлярки статья иная, так и быть, куда ни шло, уступлю для такого дорогого гостя, как ты, полбоченка: ты мне понравился. Только тут есть небольшая задёба. Давеча один из моих молодцов, вот этот, — Стенька указал на одного рослого разбойника, — вот этот хвалился, что в ста саженьях попадет из винтовки в грош. За это я обещал на его пай полбоченка водки, однако — с уговором: если не попадет, как следоват, в цель, то заместо водки сто линьков горячих в спину, чтобы не хвастался понапрасну. Пospорь с ним, есть когда надеешься на свое молодечество, — говорит Стенька казаку. — Есть когда убьешь в цель лучше его, то кизлярка твоя, а есть когда нет, — не прогневайся: сто линьков в спину... Такой обычай: люблю за дело только награждать!»

Казак подумал и сказал: «Не берусь, что лучше его убью: кто знает, он може важный стрелок; а берусь, что не хуже его убью».

«Хорошо, согласен», — оказал Разин и велел устроить цель.

Отмерили двести шагов, поставили «на шесть» и к ней прилепили грош.

Первый выстрелил разбойник и попал в доску около самого гроша, но гроша не задел.

«Гм! Не велика важность, — проговорил казак, — этак-то та мы, пожалуй, потрафим».

Вот после разбойника выстрелил и казак из своей винтовки, и попал в самую середку гроша; индо грош-то врезался в доску.

«Ай-да молодец, — сказал Разин. — Ну-ка еще!»

Еще выстрелили по разу. Разбойник со злости трясся, и в доску-то не попал, не токма-что в грош.

«Ну, дружище, — сказал казак разбойнику, — видно, у тебя двойная кожа, коли не умеешь стрелять, а идешь на спор».

Казак был уже тово... на порядках пьян: он позабыл, где он; думает, что он у себя на форпосте с товарищами, поэтому и разговорился.

Выстрелил и казак вдругорядь, и вlepил опять в грош, индо перегнул его.

«Баста, твоя кизлярка, — сказал Разин казаку и велел из большого бочонка нацедить в другой, поменьше. — А тебе, — сказал он разбойнику, — на три

дня винной порции нет, а вместо того сто линьков в спину: осрамил, — говорит, — ты и себя и нас».

Опосля того Разин и казак еще выпили малую толику водочки, и казак в добром здоровье уехал от ласкового хозяина восвояси. На прощанье Разин и говорит казаку, а сам, бестия, подмигивает и улыбается:

«Може, увидимся когда-нибудь: я к вашим хочу толкнуться. Примете, что ли?»

«Не знаю. Как «войско» захочет», — сказал казак и потупился в землю, а сам думает про себя: «Сунься-ка, приятель, — зуб скусишь».